

УДК 82-1
ББК 83

ЯЗЫК ПОЭЗИИ КАК ФЕНОМЕН ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

С. В. Боброва, В. Н. Князев

Аннотация. В статье рассматривается проблема интерпретации лингвистической картины мира как существенного познавательного феномена, имплицитно присущего языковой коммуникации. В отличие от традиционного понимания научной картины мира лингвистическая картина мира в аспекте языка поэзии выражает субъективные чувства и переживания личности. Лингвистическая картина мира по сути тождественна языковой, но отличается лишь несколько большей концептуализацией. Примером обобщенных образов и латентных смыслов служат поэтические произведения русских классиков. Основным методом исследования является герменевтический анализ художественного текста.

Ключевые слова: лингвистическая картина мира, коммуникация, процесс познания, речевая деятельность, художественный текст, герменевтический анализ.

LANGUAGE OF POETRY AS A PHENOMENON OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

S. V. Bobrova, V. N. Knyazev

Abstract. The article considers the problem of interpreting the linguistic picture of the world as an essential cognitive phenomenon implicitly inherent in linguistic communication. In contrast to the traditional understanding of the scientific picture of the world, the linguistic picture of the world in terms of the language of poetry expresses the subjective feelings and experiences of the individual. The linguistic picture of the world is essentially identical to the linguistic one, but differs only in a somewhat larger conceptualization. An example of generalized images and latent meanings are the poetic works of Russian classics. The main research method is hermeneutic analysis of a literary text.

Keywords: linguistic picture of the world, communication, cognition process, speech activity, artistic text, hermeneutical analysis.

Жизнь современного человека пронизана множеством смыслов, интересов, ценностей и их реализаций. Как чувственно-интеллектуальное существо человек воплощает в себе индивидуальность эмоциональной сферы и научно-рационального мышления. Сегодня мы все живем в глобализованном информационном обществе. Причем социальная реальность все более становится обществом знания. Механизмом развития общения и коммуникаций, бесспорно, являются ныне информационно-компьютерные технологии, которые последовательно «цифровизируют» коммуникацию между людьми [1]. В этой связи роль языка не только не уменьшается, но становится все более значимой: культура, коммуникация, язык и информация в своем синтезе создают новую реальность. Описывая психолингвистическую составляющую понятия образа или картины мира, А. А. Леонтьев подчеркивает, что «мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы наложенных на восприятие этого мира. Человек не «номинарует» чувственные образы предметов – предметные значения суть компонент этих образов, то, что их цементирует для человека, то, что делает возможным само существование этих образов» [2, с. 175]. Бытие человека в мире предполагает непрерывный диалог с этим миром и построение в сознании личности образа внешнего мира посредством обобщения. В процессе познания реальности личностью реализуется определенное единство гносеологического образа и его онтологического содержания. По словам М. К. Мамардашвили, «сознание есть бытийствующее сознание, свойство онтологически укорененное» [3, с. 31], «сознание вслух», реализующееся только в языке. Человек не ограничивается непосредственными впечатлениями об окружающем; он оказывается в состоянии выходить за пределы сенсорного опыта, проникать глубже в сущность вещей, чем это дается в чувственном восприятии. Он абстрагирует отдельные признаки вещей, воспринимая глубокие связи и отношения, в которые вступают вещи [4, с. 41].

Без действия человека в этом мире невозможно познать реальность. Язык и есть та система ориентиров, которая необходима человеку для существования в этом мире. Являясь средством общения и формой хранения знания о мире, язык аккумулирует в себе некий обобщенный образ (картину) мира и способствует единству понимания реальности, согласованности действий и адекватности общения.

Лингвистическая (языковая) картина мира весьма многолика. В этой статье мы рассматриваем понятия лингвистического и языкового образов мира во многом совпадающими. Д. Ю. Апресян характеризует языковую картину мира как когнитивный феномен, который «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию» [5, с. 145]. С нашей точки зрения, если языковая картина понимается в качестве *личностного* языкового образа реальности, примером которого и служат поэтические произведения Ф. И. Тютчева и А. Майкова, то понятие лингвистической картины мира лишь несколько отличается от языковой в аспекте усиления концептуализации, что сопряжено с неизбежной социализацией и возможностями ее связи с понятием научной картины мира.

Научную картину мира следует понимать в качестве значимой мировоззренческой формы знания, которая с необходимостью возникает в историческом ходе научного познания. При этом любая конкретная картина мира реализует регулятивную функцию познавательного отношения человека к действительности как способ видения и осмысления реальности. Отметим, что термины «картина» и «мир» невозможно строго определить. Если понимать мир как природу, то даже в этом случае следует признать, что ученые не знают всей природы. Еще более непростым является мир социальных явлений и тем более психический мир человека. К тому же мировоззренческий смысл термина «мир» подразу-

мевают не только уже изученное наукой, но и вероятную экстраполяцию в область пока еще неизвестного. По-своему неопределенным выступает и термин «картина», ибо его метафоричность проявляется в чувственно наглядном образе и одновременно является концептуально-понятийным образованием, что стало результатом развития новоевропейской культуры.

В самом общем плане научную картину мира необходимо интерпретировать как одно из базовых методологических средств познания. Фундаментальная роль научной картины реализуется в тенденции к синтезу знаний о действительности. В свою очередь, лингвистическая картина мира может быть осмыслена как принципиальный компонент самой науки лингвистики, способствующей формированию целостного представления о языковой реальности.

Языковая, или лингвистическая, картина мира имеет собственную двойственную природу. С одной стороны, как специфический вариант научной картины она своим содержанием объективирует содержание реальности, отражаемое теоретическими схемами. С другой стороны, сама форма выражения в языке неизбежно носит в себе неустранимый элемент субъективности. Ведь сам язык является фундаментальным познавательным средством отношения человека к реальности. Образность поэтического языка выражает субъективные чувства и видения природной и социальной реальности сквозь призму психического состояния личности.

По мнению В. Н. Телия, языковую картину мира можно представить как продукт сознания народа, полученный как результат взаимосвязи мышления, языка и действительности в процессе коммуникативной деятельности [6, с. 174].

Человек познает мир посредством языка. Он мыслит, испытывает различные чувства к другим людям, вступая с ними в те или иные отношения, ощущает, воспринимает явления природы, взаимодействуя с окружающим миром, познает их признаки, качества, связи и отношения. Вся эта карти-

на мира, жизнь человеческого общества воплощается в языке и становится содержанием коммуникации.

Как заметил П. А. Флоренский, «акт познания есть акт не только гносеологический, но и онтологический, не только идеальный, но и реальный. Познание есть реальное выхождение познающего из себя или, – что то же, – реальное вхождение познаваемого в познающего, – реальное единение познающего и познаваемого... Познание не есть захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом, а живое нравственное общение личностей, из которых каждая для каждой служит и объектом, и субъектом. В собственном смысле познаваема только личность и только личностью... Другими словами, существенное познание, разумеемое как акт познающего субъекта, и существенная истина, разумеемая как познаваемый реальный объект, – обе они – одно и то же реально, хотя и различаются в отвлеченном рас- сужде» [7, с. 73–74].

В процессе общения происходит формирование смысловых отношений текста. Коммуникативное намерение побуждает автора высказывания подбирать языковые конструкции для точного выражения мысли. Так, в смысловом поле созданного текста содержится смысл высказывания, который может быть интегрирован слушающим в процессе понимания в модель фрагмента действительности.

Образуемый в процессе речи смысл начинает формироваться до языка и речи. Человек накапливает и хранит в памяти всю информацию, поступающую в сознание при помощи органов чувств. Так создается сенсорный образ, за которым закрепляется отдельный знак – слово, и процесс формирования смысла идет в направлении от чувственных образов к мыслительным обобщениям [8, с. 46].

Любое речевое произведение, в том числе и художественный текст, является результатом мыслительной деятельности автора, говорящего или пишущего. Это сложный знак лингвистической природы, други-

ми словами, уникальная коммуникативная единица, обладающая признаками эвокативности и ситуативности. В тексте воплощается индивидуально-авторское видение мира и опыт, накопленный человечеством. Основная единица речевого общения имеет две содержательные стороны. К внешнему оформлению текста относится выбор автором типа и стиля речи, композиционное оформление высказывания – соответствующая теме и замыслу последовательность расположения частей текста, подбор необходимых языковых средств как для связи предложений, так и для выражения общей идеи произведения. В этом случае речь идет о содержательной составляющей текста, его смысловом наполнении. Автор высказывания создает текст, произведение, в котором содержится некая информация и та мысль, ради которой и было создано данное речевое произведение [9, с. 27].

Слушающий/читающий в процессе понимания вынужден конструировать, по мнению Г. П. Щедровицкого, новые оттенки значений слов, использованных автором в речи, и интегрировать их в отрезок действительности – денотат [10, с. 451]. Так, возникновение денотата в сознании слушателя или читателя является свидетельством процесса понимания смысла речи. В данном случае под денотатом подразумевается явление действительности, названное словом или словосочетанием, передающим смысл текста.

Рассмотрим два стихотворения о весне – Ф. И. Тютчева «Зима недаром злится» (1836) и «Весна» А. Майкова (1880).

*Зима недаром злится,
Прошла ее пора –
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон –
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.
Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет*

*И пуще лишь шумит...
Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя.
Весне и горя мало:
Умылась в снегу,
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.*

Весна

Посвящается Коле Трескину

*Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!
Старой спорить ли, тщедушной,
С ней – царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!
А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!
У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь – и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..
Да найдут и по оврагам!
Вон – уж пчел рои шумят,
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!*

Обращая внимание на особенности языковой, лингвистической картины мира, мы можем заметить, что описываемое время в этих произведениях – начало весны. Это то время, когда уже большая часть земли освободилась от снега, дни становятся длиннее, солнце светит ярче, начинает просыпаться природа, появляются мухи, пчелы и другие насекомые, растет трава, распускаются первые цветы и листья на деревьях. Бывает, что погода меняется, может пойти снег, похолодает, тогда у жителей нашей страны возникает впечатление, что зима возвращается. Смена времен года в России происходит постепенно, с некоторыми моментами ремис-

сии. Процесс наступления весны и описывают авторы. Рассматривая текст на уровне семантизации и восстанавливая значения слов и словосочетаний, мы, читатели, можем в этом убедиться: *прошла пора зимы, весна стучится в окно, жаворонки подняли трезвон; весна – царица цветов, с армией благовонных ручейков, с теплыми ливнями, лучами, с чиликаньем и пенцем, с роем пчел и пестрым отрядом бабочек.*

Интересно индивидуально-авторское видение мира, которое предъядляется в данных текстах. Стихотворение Ф. И. Тютчева не имеет названия, тему мы определяем по первой строчке – это произведение о зиме. Лирический герой рассуждает о природных явлениях, это взгляд взрослого человека на происходящее. Зима и весна видятся женскими персонажами, автор использует прием олицетворения, когда из одного образа читатель должен создать образ человека, лица, в данном случае – женского (слова *Зима* и *Весна* женского рода, употребляются с заглавной буквы – автор выделяет имена собственные). В тексте Ф. И. Тютчева мы видим двух женщин, одна из которых пожилая (*Зима*), а другая – молодая (*Весна*). Время старшей женщины проходит, она должна уступить место молодой, но не может никак привыкнуть к мысли, что ее красота угасла, что она стала ненужной, неинтересной. Она пытается показать, что еще может быть полезной (*Зима еще хлопочет*), но время ее прошло. По этой причине старуха злится и пытается отомстить молодой девушке, но эффект получается обратным (*Весне и горя мало*), она лишь становится *румяней и краше*.

Так, для Тютчева смена времен года видится как соперничество между зимой и весной, как вражда, битва между молодостью и старостью, в которой победа всегда будет на стороне юности.

Стихотворение А. Майкова написано намного позже появления текста Ф. И. Тютчева. Возможно, что идея сопоставления двух женских образов заимствована автором. Главная тема повествования Майкова – весна. Текст строится как обращение к

зиме. Можно предположить, что рассказ ведется от имени мальчика, во-первых, текст имеет посвящение сыну цензора Московского цензурного комитета, во-вторых, автор использует выражения *уйди, уходи скорей*, которые свойственны детской речи. Итак, лирический герой обращается к зиме с просьбой побыстрее уйти.

Зима Майкова – это старая, умирающая, хилая и слабосильная женщина, время ее истекло, уже готов похоронный саван, в который она должна быть укутана и погребена. Весна же представляется царской особой в колеснице, спускающейся с высоты, с небес, в сопровождении армии цветов, благовонных ветерков, теплых ливней, солнечных лучей, птиц, пчел и бабочек. Весна не воюет с Зимой, не соперничает, она подкупает улыбкой, теплотой и добротой. Представление автора созвучно образу весны в славянской мифологии. Олицетворением благородной силы юности, красоты и весны была богиня Жива. Она властвовала, когда зеленели поля и леса, выпускали цветы, деревья и травы, когда земля, очнувшись от зимнего сна, представляла во всей красе расцветающей природы. Жива лелеяла землю своими ласковыми взглядами, благодаря чему та еще больше расцветала и зеленела.

Так, становится очевидной разница в индивидуально-авторском видении мира. Для Ф. И. Тютчева главным представляется образ старой женщины, время которой уже ушло, но она не хочет с этим смириться и вступает в борьбу с юностью, красотой и молодостью. А. Майков воспевает образ весны, представляя ее божественной женской силой, олицетворяющей юность, красоту, тепло и нежность.

Подводя итог, можно сказать, что в отличие от традиционного понимания научной картины мира лингвистическая картина мира в аспекте языка поэзии выражает субъективные чувства и переживания личности. Лингвистическая картина мира, как общее знание, как особый синтетический языковой образ фрагментов реального мира, является своеобразной условной

конструкцией, ибо, как показывает индивидуальная практика речевой деятельности, мы наблюдаем специфические формы картин мира, существующие в индивидуальном авторском сознании. Так это реализуется в поэтическом творчестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Князев В. Н.* Человек и концепция квантовой информации в цифровом обществе // Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. М. М. Мусарского, Е. А. Омельченко, А. А. Шевцовой. М.: МПГУ, 2018. С. 26–32.
2. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
3. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию: моногр. / сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс, 1992. 415 с.
4. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 416 с.
5. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 766 с.
6. *Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988, С. 173–203.
7. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. М.: АСТ, 2003. 640 с.
8. *Федоренко Л. П.* Закономерности усвоения родной речи. М.: Просвещение, 1984. 159 с.
9. *Боброва С. В.* Способы реконструкции картины мира поэта (сопоставительный анализ стихов Пастернака и Рубцова) // Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора М. Т. Баранова. М.: МПГУ, 2004. С. 24–29.
10. *Щедровицкий Г. П.* Языковое мышление и его анализ // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 449–465.

REFERENCES

1. Knyazev V. N. Chelovek i kontseptsiya kvantovoy informatsii v tsifrovom obshchestve. In: Musarskiy M. M., Omelchenko E. A., Shevtsova A. A. (eds.) *Sovremennoe obrazovanie: vektory razvitiya. Tsifrovizatsiya ekonomiki i obshchestva: vyzovy dlya sistemy obrazovaniya. Proceedings of International scientific-practical conference.* Moscow: MPGU, 2018. Pp. 26–32.
2. Leontiev A. A. *Osnovy psikholingvistiki.* Moscow: Smysl, 1997. 287 p.
3. Mamardashvili M. K. *Kak ya ponimayu filosofiyu: monogr.* Moscow: Progress, 1992. 415 s.
4. Luriya A. R. *Yazyk i soznanie.* Rostov-on-Don: Feniks, 1998. 416 p.
5. Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. 2: Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya.* Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury", 1995. 766 p.
6. Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol v sozdanii yazykovoy kartiny mira. In: *Rol chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira.* Moscow: Nauka, 1988. Pp. 173–203.
7. Florenskiy P. A. *Stolp i utverzhenie istiny.* Moscow: AST, 2003. 640 p.
8. Fedorenko L. P. *Zakonomernosti usvoeniya rodnoy rechi.* Moscow: Prosveshchenie, 1984. 159 p.
9. Bobrova S. V. Sposoby rekonstruktsii kartiny mira poeta (sopostavitelnyy analiz stikhov Pasternaka i Rubtsova). In: *Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. pamyati professora M. T. Baranova.* Moscow: MPGU, 2004. Pp. 24–29.
10. Shchedrovitskiy G. P. Yazykovoe myshlenie i ego analiz. *Voprosy yazykoznaneya.* 1957, No. 1, pp. 449–465.

Боброва Светлана Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета

e-mail: bobrova_svetlana@mail.ru

Bobrova Svetlana V., PhD in Education, Associate Professor, Slavic Philology Department, Moscow State Regional University

e-mail: bobrova_svetlana@mail.ru

Князев Виктор Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

e-mail: kvn951@inbox.ru

Knyazev Victor N., ScD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

e-mail: kvn951@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 28.09.2019

The article was received on 28.09.2019